

О. В. ПАЛЕЙ

<«Этот человек был воплощением лживости!»>

В это самое время и произошел один эпизод, который показался бы нам скорее смешным, если бы мы были расположены смеяться. В 1915 г. великий князь отдал на хранение в кабинет государя свое завещание, подписанное его величеством и скрепленное министром двора. Желая внести туда некоторые изменения, великий князь обратился к Василию Маклакову, которого он немного знал, с просьбой извлечь этот документ из места, где он находился. Маклаков охотно взялся исполнить это и затребовал от Керенского возвращения завещания. Последний вложил его во второй конверт и написал: «Генерал-адъютанту Павлу Романову¹». Это было грубо, неблаговоспитанно и лишено всякой логики, потому что если Керенский имел возможность манипулировать с завещанием великого князя, то при ком, спрашивается, был великий князь генерал-адъютантом? Мы оценили по достоинству это проявление логики. Но каково же было удивление и негодование мужа, когда он увидел, что Керенский позволил себе сломать восковые печати, скреплявшие завещание, и ознакомиться с его содержанием!

Керенский из министра юстиции сделался военным министром и корчил из себя маленького Наполеона. Он усвоил себе фантастическую форму и был положительно комичен, подражая маленькому капралу. Весь цвет осужденных на каторгу за убийства и грабежи, все политические ссыльные и изгнанники из Сибири и всех частей света стекались в нашу несчастную столицу. Савинков, Коллонтай, Чернов, Ленин, бабушка Брешко-Брешковская (эта сумасшедшая старуха), Бронштейн-Троцкий поспешили приехать и были приняты с почестями, достойными их преступлений, на вокзалах, расцвеченных красными флагами.

Керенский очень долго был на фронте, где его слюнвявое красноречие не могло заставить солдат идти в сражение, и они предпочитали выходить из окопов и брататься с немцами. Они только и делали, что повторяли: «Без аннексий и контрибуций». Совершенно не понимая того, что это значит, солдаты воображали, что война кончилась, и не скрывали своего недовольствия из-за невозможности возвратиться домой. Наконец, 18 июня бывший генерал-адъютант государя Брусилов — рьяный слуга Временного правительства, а в настоящее время Советов — сделал последнюю попытку наступления, которая привела к позору и поражению под Тарнополем и Калушем.

* * *

В течение всего апреля я продолжала бродить вокруг дворца. Погода была теплая и ясная, и августейшие пленники часто выходили на двор. Я старалась разглядеть их, но они всегда держались вдали от ограды, и мне приходилось слушать только злословие толпы. Однажды вечером, в конце апреля, я увидела массу народа, бегущего по направлению к городской управе, вмешавшись в толпу, я спросила у одного солдата, который имел более добрый вид, чем другие:

— Почему такое сборище? Что вы здесь делаете?

— Нас собрали сюда потому, что должны решить судьбу Николая Романова и его семьи. Их не хотят оставлять больше в Царском, а пошлют в Сибирь.

Очень взволнованная, я прибежала домой, который был отделен от управы только одним прудом, и рассказала своим обо всем, что я только что слышала. Муж, взволнованный не меньше меня, умолял не вмешиваться больше в толпу и не мучиться напрасно, так как мы ничем абсолютно не могли помочь им. Мой милый князь! Предчувствовал ли он, что позднее мне придется собрать все силы, чтобы перенести сверхчеловеческое горе?

На каждом происходящем митинге слышалась «Марсельеза», но не та прекрасная «Марсельеза», которую поют во Франции и которая постоянно вела французский народ к победе. Это была заунывная, монотонная и печальная песня, печальная, как все русские песни, которые навевают неясную грусть и предчувствие страданий. Ни один митинг (а их было много, так как эта первая русская революция представляла собой совершенно бесполезную болтовню) не обходился без этой русифицированной «Марсельезы».

По мере того как я пишу, печальные воспоминания встают передо мной. Однажды вечером я проходила сзади Большого дворца, возле Китайского моста, и встретила взвод стрелков, который шел сменить караул около пленников. Один солдат их же полка проходит мимо и кричит им: «Товарищи, еще одна ночь трудной работы для вас! Будьте спокойны, мы скоро освободим вас от этих бездельников!»

Должна сознаться, что мне очень не хотелось уезжать. Тем не менее и главным образом для того, чтобы заставить великого князя решиться на отъезд, я попросила свидания с всемогущим Керенским. Он, извиняясь, ответил мне, — единственный раз он был вежливым, — что он слишком занят и не может сам прийти ко мне, но что он примет меня в Большом Царскосельском дворце. Порядочно взволнованная, я прошла в комнаты, в которых раньше жил министр двора граф Фредерикс² с женой³ и куда я часто ходила. Некто вроде адъютанта, с длинными, сальными и приглаженными волосами, в пенсне и с флюсом, завязанным носовым платком сомнительной чистоты, встретил меня и провел в рабочий кабинет. Я ждала в течение пяти минут. Наконец показался Керенский и непринужденным, фамильярным тоном попросил меня сесть... Я немедленно изложила причину своего визита. «Я пришла, — сказала я, — просить вас позволить нам уехать из России: вел. кн. Павлу, нашим детям и мне». — «Уехать? — резко спросил Керенский: — Куда?» — «Во Францию, где у нас есть дом, друзья и где мы еще сможем быть счастливы»... — «Нет, — ответил он, — я не могу разрешить вам уехать во Францию. Что скажут Советы рабочих и солдатских депутатов, если я позволю уехать великому князю, бывшему великому князю, — тотчас же поправился он. — Вы можете ехать на Кавказ, в Крым, в Финляндию, но не во Францию» — «Значит, мы вам нужны?» — спросила я. — «О, что касается меня, то я вас отпустил бы хоть сейчас, но что скажут Советы?» Я хотела встать, но он удержал меня и начал едко критиковать самодержавный государственный строй, благодаря которому совершено столько, с позволения сказать, преступлений и беззаконий... У меня была только одна мысль — поскорее уйти от этой жалкой личности и никогда, никогда больше не встречать его.

<...>

Однажды в конце апреля посол Франции попросил разрешения видеть нас. Прошел слух об его близком отъезде, и этот отъезд нашего друга очень нас печалил. Действительно, он пришел для того, чтобы проститься с нами! Положение становилось для него тягостным. Все, что творилось вокруг, глубоко его возмущало.

М. Палеолог рассказал нам, что даже Альбер Тома, — этот воинствующий социалист, — возвращаясь с фронта, где он видел только дезертирство, беспорядок и неповиновение, а в тылу — только грубость и неопрятность, сказал ему, опускаясь на кушетку: «Все, что здесь происходит, ужасно». — «Нет, нет, — с жаром продолжал посол, — со времени представления в Мариинском театре, где меня заставили пожать руку Кирпичникову⁴, я чувствую, что мне здесь не место». Этот Кирпичников был первым солдатом, который поднял восстание среди гренадеров⁵, убивая многих безоружных офицеров... и этого-то героя печального образа Временное правительство осмелилось представить послу, тому самому послу, которому император Николай II сказал, обнимая его: «В вашем лице я обнимаю мою дорогую, благородную Францию».

М. Палеолог был замещен Нулансом⁶, которого я имела честь узнать только в 1921 г. в Париже, потому что в то время, о котором я говорю, мы не выезжали из Царского.

Так прошли май и июнь 1917 г. Собственно говоря, рассказывать об этом времени нечего, потому что не происходило ничего особенного, кроме несуразностей правления Керенского, который внушал всем глубокое презрение.

Он назначил себя военным министром и министром-президентом. Он буквально разрывался, ездил на фронт, говорил там речи, возвращался обратно, опять говорил, уезжая в Москву, в Севастополь, куда его призывало волнение моряков, и производил впечатление белки в колесе.

В это время Ленин не довольствовался разговорами. Он действовал почти открыто, и его приверженцы с каждым днем становились все более многочисленными. Керенский, ослепленный своей мнимой славой, ничего больше не видел и не слышал. Не отказывая себе ни в малейшей фантазии, он поселился в Зимнем дворце и спал на кровати императора Александра III. Этот возмутительный поступок создал ему еще больше врагов, чем раньше. Владимир⁷ написал на эту тему едкую сатиру в стихах под названием «Зеркала», где он огненными словами клеймил Керенского. Терещенко, министр иностранных дел, получил приказание выслать моего сына из Петрограда. Я не знаю, почему этот проект, который, может быть, спас бы ему жизнь, не был приведен в исполнение.

Многие монархисты начинали желать захвата власти Лениным и его сторонниками, для того только, чтобы свергнуть ненавистного Керенского. Они исходили из принципа: «Чем хуже, тем лучше». Наконец, 4 июля большевики «испробовали свои силы»,

напав на Временное правительство; нападение на этот раз не имело успеха, потому что массы, хотя и развращенные, не доросли еще до большевизма.

Советы рабочих и солдатских депутатов, перед которыми Керенский трепетал, отозвали с фронта лучших командующих армиями, хотя те и признали Временное правительство. Многие признаки доказывали, что Керенский был только болтливым полишинелем, который двигался потому, что Советы дергали его за веревочку. Он выдумал создать женские батальоны, большая часть которых погибла в октябре, в момент прихода большевиков, в то время как их вдохновитель убежал в автомобиле секретаря посольства Соединенных Штатов.

<...>

Все больше подтверждался слух об отпращивании царской семьи, но куда — неизвестно. Мы не знали, что и думать. Хотя время от времени я и переписывалась с великими княжнами Ольгой⁸ и Татьяной⁹, но было совершенно невозможно задать им такой вопрос. Впрочем, они и не смогли бы мне ответить. Однажды мы узнали, что отъезд назначен на 30 июля, день рождения наследника. Мой муж попросил у Керенского свидания со своим царственным племянником, но Керенский, — этот ничтожный человек, — не удостоил его даже ответом. Только брат государя, великий князь Михаил, живший в Гатчине, добился пятиминутного свидания в присутствии Керенского. Естественно, что в присутствии третьего лица (да еще подобного Керенскому) братья не могли ни о чем поговорить. Они только крепко обнялись в последний раз и постарались сократить свое свидание, чтобы скрыть друг от друга охватившее их волнение. Дабы избежать возможных демонстраций, Керенский тщательно скрывал час отъезда их величеств. На следующий день после их отъезда в Тобольск нас пригласили на обед граф и графиня Бенкендорф¹⁰, которых освободили после того, как они в течение долгих пяти месяцев разделяли заточение со своим государем. Вот что они рассказали нам в то же самое утро, и, слушая их, мы горько плакали.

Керенский сначала убедил царскую семью в том, что они, согласно собственному желанию, поедут в Крым. Этот человек был воплощением лживости! Каково же было изумление царской фамилии, когда им посоветовали «взять как можно больше мехов и зимней обуви»! И только в день, назначенный для отъезда, им объявили, что Совет рабочих и солдатских депутатов избрал местом их пребывания город Тобольск в Сибири! Отчаяние семьи было безгранично. Все они обо-

жали Крым и надеялись, что южное солнце и прекрасная природа заставят их, если не забыть, то, по крайней мере, легче перенести их мучительные испытания. А отъезд в Сибирь был ссылкой и низкой местью жалких и злобных людей, которые посылали их туда, где раньше жили каторжники...

Отъезд был назначен на час ночи с 31 июля на 1 августа. Керенский суетился и бегал, приказывал подавать поезд и отменял приказание, проявляя свою обычную бестолковость. Государь и его семья попросили придворного священника отслужить молебен и, поцеловав в последний раз икону Пресвятой Девы, принесенную для этого из церкви Знаменья, сидели, одетые, терпеливо ожидая часа отъезда. Государь, привыкший повелевать, подчинялся силе событий. Изнемогая от усталости и волнения, они оставались готовыми к отъезду до шести часов утра. Наконец, они покинули дом, в котором жили с первого дня брака, где родились их дети и где они были счастливы; они разлучились с верными слугами, которые горько плакали, прощаясь с ними. Они покидали все это счастливое прошлое для того, чтобы отправиться в неведомую страну, которая казалась им далекой, холодной и печальной... Наконец, в шесть часов утра Керенский с важным видом объявил, что «все готово». Царская семья села в какой-то автомобиль, потому что прекрасные царские машины обслуживали представителей Временного правительства, и проехала от Александровского дворца к царскому павильону между двумя шеренгами революционных солдат. По своей великой доброте государь, у которого тогда было немного денег, приказал дать от себя по пятьдесят копеек каждому из них за то, что их тревожили ночью. А их было там несколько сот человек...

Прибыв на вокзал, их величества заметили, что поезда у платформы не было, а он стоял так далеко на путях, что его едва было видно. Керенский объяснил этот факт как меру предосторожности. И бедная государыня¹¹ с больным сердцем должна была идти в течение десяти минут по насыпи, увязая в песке. Подойдя к вагону — это не был уже царский вагон, — государыня не могла достать ступеньки, так велико было расстояние между ней и землей! Не могли даже подумать о том, чтобы принести складную лестницу для того, чтобы облегчить ей этот подъем! После больших усилий бедная женщина взобралась и, бессильная, всей своей тяжестью упала на площадку вагона.

Между тем постель императора Александра III совсем не была для Керенского ложем из роз. Против него начинали группироваться силы, и на Московском съезде 14 августа он встретил грозного соперника в лице генерала Корнилова. Последний после тщетной попытки

водворить порядок среди петроградских войск принял на фронте командование сначала 8-й армией, потом — Юго-Западным фронтом и, наконец, был назначен главнокомандующим. Он очень быстро отдал себе отчет в том, что Керенский ведет Россию к гибели. Поэтому на съезде в Москве 14 и 15 августа он выступил против него и под крики правых и военных «Да здравствует генерал Корнилов!» произнес речь, ежеминутно прерываемую слева. Он наглядно доказал опасность, указав сначала на наступление неприятеля на Ригу, затем на антимилицаристическую пропаганду и полную дезорганизацию армии. Он настаивал на необходимости восстановить власть офицеров, уничтоженную знаменитым приказом № 1. Речь вызвала продолжительные аплодисменты, и Керенский ему ее не простил. Поэтому, когда Корнилов из Ставки через посредство Савинкова потребовал от Керенского введения во всей России осадного положения, он сделал вид, что согласен, и подписал декрет о военной реформе.

Корнилов требовал этого по причине происков крайних партий и взятия Риги немцами. Советы, становившиеся все более и более большевистскими, вовремя узнали об этом постановлении и воспретили Керенскому проводить его в жизнь. Этот последний, чтобы порвать с Корниловым и понравиться Советам, не побоялся взять на себя роль провокатора. Керенский объявил Корнилова и его помощника генерала Лукомского изменниками Отечества и сместил их.

Мы всей душой были с Корниловым, так как этот, хотя и революционный, генерал был тем не менее патриотом и желал спасения страны. В этой борьбе на жизнь и смерть Керенский и Советы одержали верх, и Корнилов с Лукомским были отправлены из Могилева в Быхов, где их заключили в тюрьму. Если бы Корнилов, как мы этого ждали и надеялись, действительно пошел со своей «дикой дивизией» на Петроград, — как знать, — может быть, тогда эта отвратительная русская революция и потерпела бы крах. <...>

